

29 АПР 1969

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В добрый путь, молодежь!

ТВОРЧЕСТВО— ЭТО СТАРТ

...А В КАЛИНИНГРАДЕ опять носится по улицам морской ветер. Сегодня он завивает снежную кутерьму, а завтра, быть может, принесет дождь, как это с ним часто случается.

Бронзовый Шиллер не прячет лица от ветра. Он смотрит на площадь, которую пересекают люди, идущие к освещенному подъезду театра.

Я тоже иду к театру, у меня сегодня свидание с актером, творчество которого мне по душе.

Зовут этого актера Тахир Матеулин. Он молод, но сыгранные им роли составляют солидный список. Не стану заниматься перечислением — количество ведь никогда не вскрыет сути того, что называется искусством. У Матеулина есть другая черта, о которой и хочется сказать: он артист неожиданный, и самый ненавистный враг для него — штамп, шаблон.

В городе, таком, как Калининград, где один профессиональный драматический театр, у актеров двойная опасность (по сравнению, скажем, с москвичами) потерять интерес зрителей. Ну, увидят тебя в одной роли, затем во второй, третьей, запомнят весь «набор» приемов, а в четвертый раз этот зритель уже не будет твоим собеседником — он просто не придет в театр.

Матеулин хорошо понимает это. Сначала казалось важным до неузнаваемости изменить лицо, походку — вот и будет новый образ. Старик, которого Матеулин играл в спектакле «Орфей спускается в ад», имел страшную внешность, прямо-таки зловещую, но почему-то в зале раздавался смехок... Но уже и тогда сквозь бутафорию и потуги на правдоподобие пробились живые, подлинные чувства, возникала порой подлинная жизнь.

Понски «на ощупь», почти вслепую, постепенно превращались в ясное понимание того, что в процессе создания роли образ возникает лишь тогда, когда изменится способ думать, изменится отношение к окружающему миру. Вот тогда-то и появится в спектакле новый человек...

Когда Матеулин играл Виктора в «Иркутской истории», его прежде всего занимала внутренняя сущность героя. Этой своей ра-

ботой он все же остался доволен, потому что теперь возник разрыв между желаемым, ясно осознанным и тем, что на деле возникло на сцене.

Он убедился, что каждая новая роль требует своего, только ей присущего подхода, если играть не готовый результат, а двигаться по пути конкретного действия, из которого возникают и слово, и чувство, и мысль, и в конечном счете — образ. Это была дорога творчества: появились постоянное беспокойство, волнение. Но отступать он не захотел. И самым важным в жизни оказалось желание постигнуть характер человека, которого предстояло сыграть. Постигнуть, а затем выявить его на сцене.

Неоднократно я видел, как репетирует Тахир Матеулин. Я убедился, что у него есть качество, как воздух необходимое актеру. Это умение импровизировать. Он предлагает свои варианты, пробует варианты, предложенные режиссером. Потом они вместе останавливаются на том, какой, по их мнению, наиболее точно соответствует логике характера в данном положении.

Думаю, Матеулин совсем не случайно пришел и на телевидение. Оставаясь актером театра, он с охотой и с успехом играет роли в телеспектаклях. Непременный закон телевидения, как и кино, — закон большой правды и достоверности — созвучен творческой индивидуальности артиста.

...Окончен спектакль, пустеет зал. Состоялось еще одно свидание с актером — сегодня он играл Синежина в «Последнем параде» А. Штейна.

Новая роль Матеулина открыла грани его актерской индивидуальности, которые мне не были известны. Он интересно решил и комедийный образ.

...Я иду по знакомым улицам, морской ветер по-прежнему завивает снежную кутерьму. Я думаю о том, что у Тахира Матеулина должна быть интересная актерская судьба. Потому что он в движении — как этот ветер, если не побояться сравнения. Потому что в своем творчестве он взял хороший старт.

А. СОЛОНИЦЫН.
КАЛИНИНГРАД.